

DOI 10.22455/2619-0311-2018-3-143-160

УДК 8.82.0

ББК 83. 3(0)5

*А.Л. Гумерова*

**«Победная повесть, или торжество веры христианской»**

**И.-Г. Юнга-Штиллинга**

**как возможный источник «Великого инквизитора»**

*A.L. Gumerova*

**I.-G. Jung-Stilling's "Victorious Tale, or The Triumph of the Christian Faith" as a Possible Source of "Grand Inquisitor"**

**Об авторе:** Анна Леонидовна Гумерова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории литературы института мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук, г. Москва.

E-mail: gratia4@yandex.ru

**Аннотация:** Статья посвящена возможности обращения Ф.М. Достоевского в романе «Братья Карамазовы» - главным образом в главе «Бунт. Великий инквизитор», к малоизвестному в настоящее время, но довольно распространенному в первой половине девятнадцатого века в самых разных религиозно-мистических кругах русского общества толкованию на Апокалипсис Иоанна Богослова – «Победная повесть, или торжество веры христианской» немецкого богослова XVIII века И.Г. Юнга-Штиллинга. По мнению ряда исследователей, цитирование Священного Писания в произведениях Достоевского может быть названо толкованием. Сравнивая функционирование скрытых цитат из Апокалипсиса в «Великом инквизиторе» Ивана Карамазова с толкованием этих цитат в «Победной повести», можно с достаточной степенью уверенности сказать, что в ряде случаев эти толкования совпадают, а в ряде случаев Иван Карамазов, повествователь или же сам Достоевский отчетливо полемизируют с толкованиями Юнга-Штиллинга, и в любом случае практически во всех случаях появления в романе «Братья Карамазовы» скрытых цитат из Апокалипсиса можно отметить скрытую отсылку на толкование Юнга-Штиллинга. Возможность задействовать «Победную повесть» Юнга-Штиллинга при изучении роли и функции цитат из Апокалипсиса в романе «Братья Карамазовы» помогает отчетливее понять авторский замысел в тех случаях, когда сопоставление этих же скрытых цитат с библейским текстом может вызывать затруднения. В статье ставится вопрос о проблеме некорректного определения того или иного источника цитаты или идеи в произведении и необходимости обращения к малоизвестным источникам для создания адекватного комментария к произведению.

**Ключевые слова:** цитата, Апокалипсис, толкование, Юнг-Штиллинг, «Победная повесть», Достоевский, «Братья Карамазовы», «Великий инквизитор».

**Для цитирования:** Гумерова А.Л. «Победная повесть, или торжество веры христианской» И.-Г. Юнга-Штиллинга как возможный источник «Великого инквизитора» // Достоевский и мировая культура. 2018. No 3. С. 143-160. DOI: 10.22455/2619-0311-2018-3-143-160

**About the author:** Anna L. Gumerova, PhD in Philology, Senior Researcher of the Theory of Literature (Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences), Moscow.

E-mail: gratia4@yandex.ru

**Abstract:** This article examines the possibility of F.M. Dostoyevsky's reference in "The Brothers Karamazov" (generally in the chapter "Rebellion. The Grand Inquisitor") to a John the Baptist's Apocalypse interpretation that is little known nowadays. It is "Triumph of the Christian Faith" by a German theologian of the 18<sup>th</sup> c. J.H. Jung-Stilling that was quite popular in the first half of the 19<sup>th</sup> c. in the different spiritual groups of the Russian society. According to several researchers, quoting Bible in Dostoyevsky's works can be named interpretation. While comparing functions of the hidden Apocalypse quotes in Ivan Karamazov's "The Grand Inquisitor" to the interpretation of these quotes in "Triumph of the Christian Faith", we can safely say that in a number of occasions these interpretations are the same. And sometimes Ivan Karamazov, the narrator or Dostoyevsky himself explicitly argues with Jung-Stilling's interpretations: and in all cases, when we see a hidden Apocalypse quote in the novel "The Brothers Karamazov", there is a hidden allusion to Jung-Stilling's interpretation. A possibility of using "Triumph of the Christian Faith" while analyzing the role and functioning of Apocalypse quotes in the novel "The Brothers Karamazov" helps us better understand the author's intention, when a direct juxtaposition with the Biblical text can cause some problems. The article covers a question of incorrect sourcing a quote or an idea in fiction and states that it is necessary to refer to a relatively unknown source for creating an adequate commentary to a work of fiction.

**Key words:** quotes, Apocalypse, interpretation, Jung-Stilling, "Victorious Tale", Dostoyevsky, "The Brothers Karamazov", "The Grand Inquisitor".

Данная статья посвящена теме влияния на творчество Достоевского религиозной мистической литературы первой трети XIX века. Эта тема разрабатывается в последнее время, однако поскольку сама эта литература остается малоизвестной, ее влияние на Достоевского изучено еще далеко не достаточно.

В ряде статей нашего коллективного труда поднимается важная проблемы – проблема соответствия комментария комментируемому тексту. Однако для темы моей статьи важна и другая проблема возможности адекватного тексту комментария – малоизвестность источника, необходимого для точного комментария. Зачастую на конференциях, посвященных творчеству Достоевского, при обсуждении работ о возможных цитатах из Священного Писания или православного богослужения в тексте Достоевского возникает полемика на тему – можно ли понимать текст Достоевского, не зная Священного писания или богослужения, или же не будучи в православной традиции. Однако Священное писание или православное богослужение вполне доступно не только специалистам, но и массовому читателю. С религиозной мистической внецерковной литературой девятнадцатого века ситуация обстоит иначе. Так, например, «Победная повесть, или торжество веры христианской» И.Г. Юнга-Штиллинга, о которой я главным образом буду говорить в статье, не переиздавалась на русском языке с 1818 года.

Кроме этого, нужно отметить еще одну проблему – в том случае, если возможные источники цитаты в тексте схожи между собой, они могут быть некорректно проинтерпретированы. Так, цитату из богослужения не всегда возможно интерпретировать как библейскую цитату, хотя они могут совпадать по тексту. Для произведений Достоевского это особенно важно в том числе и потому, что для композиции его произведений характерны т.н. сюжетные рифмы – например, составные цитаты – при таком цитировании разные элементы цитируемого текста словно рассеяны по произведению, и таким образом могут быть связаны между собой эпизоды произведения, на первый взгляд не соотносимые друг с другом напрямую. Понятно, что в случае неправильной атрибуции и интерпретации цитаты такие рифмы могут пройти незамеченными, и это помешает понять авторский замысел.

Тема Апокалипсиса в творчестве Достоевского – одна из самых сложных для изучающих творчество Достоевского, и одна из тем, при обращении к которой наиболее очевидна становится необходимость обращения к различным интерпретациям Апокалипсиса, а не только лишь к интерпретациям последнего столетия. И, пожалуй, с отсылками

к Апокалипсису в романе «Братья Карамазовы» возникает больше всего неоднозначных трактовок – в том числе и потому, что большинство таких отсылок появляется в «Великом инквизиторе» Ивана Карамазова, а именно для этого внутреннего текста характерно использование библейских отсылок в виде реминисценций, неточных цитат и т.д. В некоторых случаях – об одном из таких будет сказано ниже – однозначно атрибутированная цитата из Апокалипсиса оставалась непонятой без обращения к другому возможному источнику.

Цитаты из Апокалипсиса в романе «Братья Карамазовы» уже, разумеется, были исследованы<sup>1</sup>, а значительная часть их прокомментирована в академическом комментарии к Полному собранию сочинений Ф.М. Достоевского, выпущенному ИРЯ АН СССР в 1972-1990 годах (тома 14 и 15, содержащие роман «Братья Карамазовы» и примечания к нему, вышли в 1976 году). Почти все эти цитаты, в общем, представляют собой своеобразные толкования на Писание – опять-таки и о цитировании Писания как толковании уже говорили исследователи<sup>2</sup>. Поэтому нет ничего странного в идее сопоставить цитаты из Апокалипсиса в романе Достоевского с другими существующими толкованиями Апокалипсиса.

Однако здесь необходимо оговорить важную проблему, также имеющую отношение к адекватности комментария комментируемому тексту. Дело в том, что в конце девятнадцатого и особенно начале двадцатого века в России появляются несколько толкований на Апокалипсис Иоанна Богослова, которые продолжают быть известны и в наше время<sup>3</sup> – и поэтому может возникать впечатление, что Апокалипсис толковался часто. Однако к концу семидесятых годов девятнадцатого века, когда Достоевский пишет роман «Братья Карамазовы», церковных толкований на Апокалипсис практически не существует, во всяком случае, в достаточно широком доступе. Из того немногочисленного, что могло быть доступно, можно упомянуто одно. В XVII веке на церковнославянский

<sup>1</sup> См. например, работу Виктора Ляху «Люциферов бунт Ивана Карамазова. Судьба героя в зеркале библейских аллюзий. М, ББИ св. апостола Андрея, 2011.

<sup>2</sup> Так, об этом говорит Е.Г. Новикова в монографии «Софийность русской прозы второй половины XIX века». См. [Новикова: 95].

<sup>3</sup> Можно назвать такие известные толкования, как «Три разговора о войне, прогрессе и всемирной истории, с включением краткой повести об Антихристе» Владимира Соловьева (1899), «Начало и конец нашего земного мира» (1903, авторство спорно – приписывается прав. Иоанну Кронштадтскому и монаху Оптиной пустыни Пантелеиму), толкование на Апокалипсис в т.н. «Толковой Библии Лопухина» (том Нового Завета издан в 1911-1913 годах) «Апокалипсис Иоанна: опыт догматического истолкования» протоиерея Сергея Булгакова (издано в Париже в 1948 году, до этого существовало в виде лекций).

язык было переведено толкование на Апокалипсис свт. Андрея Кесарийского, одно из основных святоотеческих толкований – однако последнее его переиздание было в 1768 году<sup>4</sup>. Замечу, что богослужбной рецепции Апокалипсиса тоже практически не существовало, так как это единственная книга Нового Завета, которая никогда не читается на богослужениях. Поэтому книга И.-Г. Юнга-Штиллинга «Победная повесть, или торжество веры христианской» оказывается одним из возможных немногих существующих толкований на Апокалипсис, которые могли быть доступны Достоевскому. И уже одно это заставляет нас обратить внимание на этот текст.

Иоганн-Генрих Юнг-Штилинг родился в 1740 году, умер в 1817. Он посещал Россию, общался с Александром I, переписывался с обер-прокурором Святейшего Синода князем А.Н. Голицыным<sup>5</sup>. Его книга «Победная повесть, или Торжество веры христианской», представляющая собой толкование на Апокалипсис, была написана в 1799 году, переведена на русский в 1815 году усилиями обер-прокурора Святейшего Синода А.Н. Голицына, очень высоко ценилась среди русских мистиков и масонов. В частности, в «религиозном кружке», сформировавшемся вокруг тогда уже бывшего обер-прокурора князя Голицына в конце двадцатых годов – об этом кружке немного можно почитать в дневнике Бартенева «Из записок Ю.Н. Бартевева. Рассказы князя Александра Николаевича Голицына» [Русский архив 1886] – «Победная повесть, или торжество веры христианской» читалась и была любима. Кроме «Победной повести», у Юнга-Штиллинга были известны такие книги, как «Угрозы Световостоков» («Der graue Mann», в русском переводе 1806-1815) и «Тоска по отчизне» («Das Heimweh», в русском переводе 1807, 1818)). Все эти книги довольно долго оставались популярными в хлыстовских, старообрядческих<sup>6</sup> и других мистических сообществах. Поскольку именно в русском переводе «Победная повесть» была воспринята в религиозно-мистической культуре девятнадцатого века, я считаю возможным обращаться именно к русскому переводу – к тому же по ряду текстологических сопоставлений можно предположить, что и Достоевский обращался к русскому переводу

---

<sup>4</sup> Следующее переиздание толкования свт. Андрея Кесарийского – в 1882 году, т.е. уже после смерти Достоевского.

<sup>5</sup> См. об этом [Кондаков: 21, 23].

<sup>6</sup> О роли книг Юнга-Штиллинга, в первую очередь именно «Победной повести», для толкования Апокалипсиса у старообрядцев на протяжении всего девятнадцатого века пишет Л.И. Сазонова в статье «Сказание о Наполеоне-антихристе: старообрядческий вариант антинаполеоновского мифа». См. [Сазонова: 48-49].

«Победной повести». Толкование Юнга-Штиллинга на Апокалипсис относится к историческим толкованиям, причем события Апокалипсиса предполагаются происходящими в земной истории после пришествия Христа, а не отнесенными в некое будущее. Юнг-Штилинг был убежден в скором пришествии Христа – с некоторыми оговорками в его книге предсказывался скорый конец света, в 1836 году. Для этого в своей книге он производил точные подсчеты, апеллируя, между прочим, к толкованию на Новый Завет Иоанна Альбрехта Бенгеля (опубликовано в 1742 году), и сопоставлял многие исторические события с событиями Апокалипсиса. Кроме этого, в «Победной повести» довольно подробно критикуется современные автору христианские конфессии – особенно много внимания он уделяет католической церкви, однако не обходит критикой и протестантские, а про восточно-православную говорит меньше, считая, что со времени падения Византии ее уже практически не существует. Юнг-Штилинг – и в этом его позиция достаточно традиционна для религиозного мистицизма, особенно протестантского мистицизма того периода – был убежден в существование истинной, скрытой Церкви, которую он видел в различных христианских и околохристианских братствах, от альбигойцев до современных ему гернгутеров, к которым принадлежит и сам, однако утверждал, что принадлежать к истинной Церкви Христовой можно, находясь в любой христианской Церкви – главными критериями истинного христианина он называет, замечу, любовь ко всем христианам независимо от деноминации, искреннюю веру, искреннее намерение быть праведным, полное покаяние и понимание того, что без помощи Божией человеку невозможно сделать что-нибудь, и искреннее желание идти за Христом [Юнг-Штилинг: 45-46].

Действие романа «Братья Карамазовы» происходит в шестидесятых годах девятнадцатого века. Однако, например, для «Русского инока», внутреннего текста, по авторскому замыслу параллельного «Великому инквизитору», характерен контекст первой трети девятнадцатого века, поскольку именно тогда происходит действие глав «О юноше брате старца Зосимы», «Воспоминание о юности и молодости старца Зосимы еще в миру. Поединок» и «Таинственный посетитель». Так, поединок Зиновия, будущего старца Зосимы, происходит летом 1826 года – «в двадцать шестом году дело было» [Достоевский 1972–1990: XIV, 269], тогда же он уходит в отставку и к нему приходит Таинственный посетитель. Об Иване Карамазове дважды говорится, что он «масон», один раз – в финале главы «Бунт. Великий инквизитор»: «Ты, может быть, сам масон! –

вырвалось вдруг у Алеши. – Ты не веришь в Бога, – прибавил он, но уже с чрезвычайной скорбью» [Достоевский 1972–1990: XIV, 239]. Второй раз о нем говорит Дмитрий перед судом: «У Ивана Бога нет. У него идея. Не в моих размерах. Но он молчит. Я думаю, он масон. Я его спрашивал – молчит» [Достоевский 1972–1990: XV, 32]. И это тоже может указывать на возможное обращение Ивана к литературе соответствующего направления и характеристику персонажа через подобную литературу. Можно предположить, что Достоевский опирался на другие подобные толкования, не переведенные на русский язык – но «Победная повесть» Юнга-Штиллинга была переведена и совершенно точно воспринята в религиозно-мистической среде.

Итак, что же дает нам простое сопоставление?

Иван Карамазов носит имя автора Апокалипсиса, Иоанна Богослова – и это уже отмечали исследователи. Добавлю, что имя Юнга-Штиллинга Иоганн-Генрих, а имя его предшественника Бенгеля – Иоганн Альбрехт. Имя «Иоанн», разумеется, очень распространенное, однако таким образом Иван Карамазов встает в один ряд с двумя предыдущими Иоаннами, толкующими Откровение. Более того, в поэме Ивана Карамазова тоже идет речь о пришествии Христа – хотя и с оговоркой, с характерным для Достоевского «не то»: «О, это конечно было не то сошествие, в котором явится Он, по обещанию своему, в конце времен во всей славе небесной и которое будет внезапно, "как молния, блистающая от востока до запада"» [Достоевский 1972–1990: XIV, 226] – и о событиях, предшествующих этому непосредственно.

И в «Великом инквизиторе», и в толковании Юнга-Штиллинга события Апокалипсиса предполагаются происходящими в мире непосредственно сейчас или в прошлом (у обоих авторов в основном от VIII до XVI веков), а не отнесенными в гипотетическое будущее. Это достаточно редкий тип толкования Апокалипсиса<sup>7</sup>. Однако гораздо более интересно то, что в «Великом инквизиторе» и некоторых других эпизодах, где появляются цитаты из Откровения, существуют либо прямые совпадения с толкованием «Победной повести», либо, напротив, очевидная, но настолько же прямая полемика.

---

<sup>7</sup> Из относительно современных Достоевскому толкований существовал подобный труд архимандрита Феодора (Бухарева) «Исследования Апокалипсиса» (написан до 1863 г., издан в 1916 году), в котором он, возможно, опирался на работу Юнга-Штиллинга. Однако его труд был изъят из печати, неизвестно, была ли доступна рукопись кому-либо, а сам архимандрит Феодор лишен сана и монашества. Эта печальная история подробно и без попытки смягчить ситуацию изложена в [Православная энциклопедия: 398-401].

Так, в самом начале рассказа Ивана Карамазова появляется почти прямая цитата из Откровения. «Как раз **явилась** тогда на севере, в Германии, страшная **новая** ересь. Огромная звезда, "подобная светильнику" (то-есть церкви) "пала на источники вод, и стали они горьки". Эти ереси стали богохульно отрицать чудеса» [Достоевский 1972–1990: XIV, 226]. Иван цитирует здесь достаточно напрямую – впрочем, как это свойственно именно речи Ивана, отчасти изменяя текст – знаменитые слова из восьмой главы Апокалипсиса: «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая **подобно светильнику**, и пала на третью часть рек и **на источники вод**. Имя сей звезде "полынь"; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, **потому что они стали горьки** (Откр 8:10-11)». Иван Карамазов сопоставляет эту упавшую звезду с лютеранством. Такое толкование, при котором эта звезда сравнивалась бы с вероучением – редкое, очень нехарактерное для девятнадцатого века<sup>8</sup>. Для сравнения, Андрей Кесарийский толкует так: «Звезда или указывает на то, что это все приходит на людей с неба, или знаменует дьявола, о котором говорит Исаия: как упал ты с неба, денница, сын зари!». И так, светильник, как следует из слов Ивана – это Церковь, звезда подобная светильнику – это нечто подобное Церкви. И вот что мы видим у Юнга-Штиллинга.

«Первое потрясение Греческой монархии произошло от разделения Церкви на Восточную и Западную <...> сия великая звезда, горящая как свеча, означает Римского Епископа, который с неба, представляющего соборную вселенскую церковь, спал на землю, то есть вступил в звание светского Властителя, или государя, получил светское царство, и в Западной трети отравил все реки, под коими разумеется учение христианской Церкви» [Юнг-Штиллинг: 116-117].

То есть несмотря на то, что Юнг-Штиллинг говорит о Западной (католической) Церкви, а Иван Карамазов – о лютеранстве, и их толкования таким образом противоположны, по сути они расшифровывают

<sup>8</sup> Отмечу, что обычное для конца двадцатого века толкование этого эпизода, появившееся после Чернобыльской аварии («звезда полынь, подобная светильнику» толкуется как радиация, с ассоциацией «полынь-чернобыльник-Чернобыль») тоже относится к «историческому» типу толкования Апокалипсиса, причем такое толкование вполне характерно для традиции Юнга-Штиллинга и о. Феодора (Бухарева) – как указанное в Апокалипсисе толкуется событие, уже произошедшее в земной истории. В связи с этим особенно интересно толкование этих слов в «Толковой Библии Лопухина»: «Несомненно, все это очень трудно представимо для нас и для нашего времени, так как ничего подобного мы не наблюдаем в нашей современной жизни. Но отсюда не следует, чтобы нужно было отказаться от буквального понимания этой казни (Мф 19:26). Это – событие будущего времени» [Толковая Библия: 549].



пророчество одинаково. «Звезда, подобная светильнику» – это нечто, подобное Церкви, то, что притворяется Церковью. Тема, подробнейшим образом развитая у Юнга-Штиллинга – в сущности, ей посвящены трактовки глав Откровения с VIII-ой до XX-ой<sup>9</sup> «Римский Епископ вступил в звание светского Властителя и получил светское царство» – очень важна для образа Великого инквизитора – «мы взяли от него Рим и меч Кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными» [Достоевский 1972–1990: XIV, 234].

О появлении лютеранства же Юнг-Штилинг пишет в положительном смысле, однако в его словах есть нечто близкое высказыванию Ивана: «В 1517 году **явился новый** подвижник <...> Лютер» [Юнг-Штилинг: 164] (ср. «**явилась** <...> страшная **новая** ересь» в повествовании Ивана).

Перейду к собственно длинному монологу Инквизитора, который весь построен на библейских цитатах – из которых, замечу, практически нет точных, потому что он не просто цитирует, а сразу же применяет их к истории и происходящему, то есть, в сущности, перед нами – толкование. В рассказе Инквизитора о первом искушении возникает, кроме обращения к Евангельскому рассказу, образ из Апокалипсиса: «Но ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на тебя дух земли и сразится с тобою и победит тебя и все пойдут за ним, восклицая: “Кто подобен зверю сему, он дал нам огонь с небеси!”» [Достоевский 1972–1990: XIV, 230].

Здесь, как отмечается в комментариях к академическому изданию романа «Братья Карамазовы», соединяются два образа из тринадцатой главы Откровения: «зверь из моря» и «зверь из земли» [Достоевский 1972–1990: XV, 559]: «И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было де-

---

<sup>9</sup> Начиная с первой главы Апокалипсиса по одиннадцатую, Юнг-Штилинг довольно подробно рассказывает о падении и постепенном исчезновении Восточной Церкви. Для него Откровение рассказывает о постепенном падении двух Церквей как институтов – то, о чем говорится до седьмой трубы Ангелов, относится к Восточной, то, что после этого – к Западной. Он специально отмечает это: «Я прошу моих читателей заметить <...> что здесь видение Иоанново прерывается. Величественный новый Ангел сходит с небеси и приготавливает еще Иоанна к последствиям седьмой трубы, открывая ему многие великие тайны, относящиеся до последних уже времен» [Юнг-Штилинг: 135]. Действие «Великого инквизитора» происходит в шестнадцатом веке, когда, по мнению Юнга-Штиллинга, Восточной Церкви уже не существовало, поэтому больше параллелей возникает со второй частью толкования Юнга-Штиллинга.

сять диадим, а на головах его имена богохульные. <...> И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним? (Откр.13:1-7) и «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон. Он действует перед ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана исцелела; и творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми». (Откр 13:11-13). Причем для Инквизитора в изображении Ивана этот зверь тем или иным образом, хотя и не напрямую, связан с «ними». Юнг-Штилинг в своем толковании этого эпизода довольно резко высказывается об институте Папства: «а бедный **червь земный** называется святейшим! Цари падали пред ним на колени и целовали его ноги: какого еще более искать поклонения? кто подобен зверю сему?» [Юнг-Штилинг: 196], тоже соединяет воедино зверя из моря и зверя из земли: «Чудеса зверя из земли будут главным средством покорения людей зверю из моря» [Юнг-Штилинг: 198-199], и тут же оговаривается – «Зверь из моря есть не сам Папа, но папешство, или Папская Иерархия, стремящаяся к обладанию над всем человечеством: он есть оная учрежденная Пропаганда со всеми ея тайными и монашескими орденами [Юнг-Штилинг: 199-200]. Вспомним крик Алеши после «поэмы» Ивана, явно параллельный этим словам, особенно если обратить внимание на упоминание о «монашеских орденах»: «Это Рим, да и Рим не весь, это неправда – это худшие из католичества, инквизиторы, иезуиты!» [Достоевский 1972–1990: XIV, 237]. Про иезуитский орден Юнг-Штилинг упоминает – «ибо иезуитский орден был учрежден папой Павлом III в 1540 году» [Юнг-Штилинг: 203], однако не могу не отметить, что про инквизицию применительно к XVI веку он упоминает мало.

Полностью совпадает толкование образа «Вавилонской блудницы»:

«Но тогда-то и приползет к нам зверь и будет лизать ноги наши и обрызжет их кровавыми слезами из глаз своих. И мы сядем на зверя и воздвигнем чашу и на ней будет написано: “Тайна!” <...> Говорят, что опозорена будет блудница, сидящая на звере и держащая в руках своих тайну, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвут порфиру ее и обнажат ее “гадкое тело» – говорит инквизитор [Достоевский 1972–1990: XIV, 235], интерпретируя так слова Апокалипсиса: «и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была

в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистою блудодейства ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным» Откр 17:3-5). Важно – об этом говорится и в академическом комментарии к роману, что «в объяснении Великого инквизитора эта <...> блудница замещена им и его единомышленниками» [Достоевский 1972–1990: XV, 562].

И в сущности то же самое у Юнга-Штиллинга: «Что сия прелюбодейная жена не есть Греческая церковь, явствует из того, что судьба оной решена еще по шестой трубе; следовательно она должна быть Римская <...> Сидение блудницы на звере <...> Бенгель <...> объяснял уже тем, что Рим будет у Папы отнят, и Папа потеряет власть свою, и сие по вычислению его должно случиться в XVIII веке» [Юнг-Штилинг: 242-243]. Далее речь идет о Французской революции, в результате которой «Пий VI не только решен был престола, но и видел в Риме учрежденную французами республику, был сам во власти французов и умер вне своих областей [Юнг-Штилинг: 242-243].

То есть в обоих толкованиях подразумевается впавшая в грех Церковь, причем в данном случае одна и та же, Западная (у Юнга-Штиллинга – по причине отсутствия уже Греческой), и в обоих случаях говорится о том, что Церковь потеряет власть в результате некоего бунта – Великий инквизитор относит его в будущее, и, судя по высказыванию, в будущее непосредственно перед пришествием Христа. Это парадоксальным образом совпадает с мнением Юнга-Штиллинга о возможном времени пришествия Христа в 1836 году (т.е. меньше чем через пятьдесят лет после Французской революции) – парадоксальным, поскольку сам Достоевский и Иван Карамазов жили позже и уже могли точно знать, что это пророчество не сбылось. Однако, как и в случае с трактовкой фразы о звезде, подобной светильнику, упавшей на воды, само толкование по сути совпадает – то есть некий бунт «малосильных» должен произойти непосредственно перед пришествием Христа. При этом в Апокалипсисе непосредственно не идет речь о бунте – речь идет о падении «Великого Вавилона». Однако по словам Великого инквизитора получается так, словно о том, что «взбунтуются вновь малосильные» сказано так же, как и про падение Вавилона – «говорят». О бунте не говорится в Откровении – но говорится у Юнга-Штиллинга.

«Победная повесть», как я уже говорила, представляет собой историческое толкование Апокалипсиса – события человеческой истории, истории Церкви, сопоставляются с эпизодами Апокалипсиса. Так,

довольно важным моментом «Победной повести» является регулярно повторяющаяся тема VIII века, с которого, по мнению автора, начался некий период – «хронос» – который продолжается до 1800-1836 годов, т.е., до конца света: «В половине VIII века происходили весьма важные обстоятельства, каковы например: насильственное крещение германских народов Карлом Великим в христианскую веру; усилия папы Вонифатия <...> к распространению папской власти; особливо же появление валлонцев»<sup>10</sup>. О восьмом веке «Великом инквизиторе» упоминается, уже от имени Великого инквизитора: «Мы давно уже не с тобою, а с *ним*, уже восемь веков. Ровно восемь веков назад как мы взяли от него то, что ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал тебе, показав тебе все царства земные; мы взяли от него Рим и меч Кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными» [Достоевский 1972–1990: XIV, 234]. Действие поэмы происходит в шестнадцатом веке, то есть Инквизитор говорит о восьмом веке. Толкование совпадает – и Инквизитор тоже говорит о восьмом веке как о некоей точке расхождения.

На то же самое слово «хронос», период с восьмого века до 1800–1836 годов Юнг-Штиллинг делает делает акцент, толкуя одиннадцатый стих шестой главы Откровения: («И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. <...> И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое **время**, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число»). (Откр.6:9,11)). Мы помним, что и Великий инквизитор желал стать «в число могучих и сильных с жаждой "восполнить число"» – эти слова выделены в его речи кавычками, и представляют собой неточную цитату из упомянутого стиха. Однако интересно, что эта цитата

<sup>10</sup> [Юнг-Штиллинг: 140]. В «Победной повести» довольно много говорится о христианских «сектах» – это слово употреблено в переводе – которые особенно славились своим благочестием и пострадали от институциональных церквей. Юнг-Штиллинг делает ряд попыток проследить происхождение таких церквей друг от друга: отмечает появление валлонцев в значимом для него восьмом веке, затем напрямую сопоставляет Моравскую церковь девятого века с моравским братством, появившимся в пятнадцатом веке: «"Два греческие монаха, Мефодий и Кирилл, принесли христианство в Богемию и Моравию, через что основалась Моравская церковь, продолжающаяся поныне в Гернгутерской братской церкви"» [Юнг-Штиллинг: 36]. Сам Юнг-Штиллинг относился к гернгутерскому братству. Благодарю Т.А. Касаткину, указавшую мне на то, что к этому же братству относится персонаж романа «Братья Карамазовы» доктор Герценштубе: «Это был семидесятилетний старик, седой и плешивый, среднего роста, крепкого сложения. Его все у нас в городе очень ценили и уважали. Был он врач добросовестный, человек прекрасный и благочестивый, какой-то гернгутер или "моравский брат" – уж не знаю наверно» [Достоевский 1972–1990: XV, 103].

появляется у Достоевского в Записных тетрадах к Дневнику Писателя за 1872-1875 гг.: «Смотреть же на декабристов и нигилистов, как на мелкие случаи – глупо. Не все желающие в Сибирь и на виселицу восполнили число: многие и остались. Русские европейцы неминуемо атеисты, пока оторваны от народа. Это самое существенное и важное последствие реформы Петра» [Достоевский 1972–1990: XXI, 266]. Это совпадение требует еще трактовки, однако замечу, что время Сибири «декабристов», 1826-1856 годы, отчасти совпадает с временем, указанным у Юнга-Штиллинга – 1800-1836 годы.

И наконец, одно из самых темных мест в самом романе – дважды повторенные старцем Зосимой слова «День и час, и месяц и год» – отчетливая отсылка на слова Откровения: «И освобождены были четыре Ангела, приготовленные на час и день, и месяц и год, для того, чтобы умертвить третью часть людей» (Откр 9:15).

В «Русском иноке» эти слова из Апокалипсиса цитируются дважды: сперва в упомянутом уже разделе «Воспоминание о юности и молодости старца Зосимы еще в миру. Поединок»: «Библию же одну никогда почти в то время не развертывал, но никогда и не расставался с нею, а возил ее повсюду с собой: воистину берег эту книгу, сам того не ведая, "на день и час, на месяц и год"» [Достоевский 1972–1990: XIV, 268] и затем в разделе «О русском иноке и значении его»: «А между тем, сколь много в монашестве смиренных и кротких, жаждущих уединения и пламенной в тишине молитвы. На сих меньше указывают и даже обходят молчанием вовсе, и сколь подивились бы, если скажу, что от сих кротких и жаждущих уединенной молитвы выйдет, может быть, еще раз спасение земли русской! Ибо воистину приготовлены в тишине "на день и час, и месяц и год"» [Достоевский 1972–1990: XIV, 284]. В отличие от старца Зосимы, который употребляет эту цитату, казалось бы, без всякой связи с ангелами, явившимися «умертвить третью часть людей», словно вырывая из контекста – однако, зная то, как Достоевский обычно использует цитирование, в это очень трудно поверить – Юнг-Штилинг толкует эту цитату достаточно обычно. В «Победной повести» говорится об Ангелах-губителях, погубивших «Греческую империю». «Сии связанные четыре Духа суть духи губительные, и для того они как бы на цепи привязаны. Первый из сих духов есть Князь, или Хан Сарацинский, второй – Татарской, или Мунгальской, Чингис-хан, третий дух есть Тамерлан, и, наконец, четвертый – предводитель Турков <...> Четыре ангела брани от Эвфрата совершили Суд Божий над Восточную империю» [Юнг-Штилинг: 130]. То есть, казалось бы,

в двух толкованиях наблюдается полная противоположность – при этом толкование Юнга-Штиллинга ближе к тексту Апокалипсиса, а цитата в словах старца Зосимы вызывают недоумение при попытке вернуть ее в контекст. Однако «Чингис-хан» и «Тамерлан», тем не менее, в романе Достоевского появляются – в монологе Инквизитора у Ивана Карамазова. «Великие завоеватели, Тимуры и Чингис-ханы, пролетели как вихрь по земле, стремясь завоевать вселенную, но и те, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению» [Достоевский 1972–1990: XIV, 235].

Таким образом, получается примерно следующая последовательность толкований. В Апокалипсисе предсказаны ангелы-губители. Юнг-Штилинг толкует их как четырех завоевателей, в частности, Тамерлана и Чингис-Хана. Инквизитор у Ивана, как бы отвечая Юнгу-Штилингу, говорит о том, что эти завоеватели выразили потребность человечества к единению. И наконец, старец Зосима как бы в полемике с инквизитором, говорит о единственной возможности единения, в христианской любви – вспомним «Из поучений старца Зосимы»: «Уверяют, что мир чем далее, тем более единится, слагается в братское общение, тем что сокращает расстояния, передает по воздуху мысли. Увы, не верьте таковому единению людей <...> Был я ему господин, а он мне слуга, а теперь, как облобызались мы с ним любовно и в духовном умилении, меж нами великое человеческое единение произошло. Думал я о сем много, а теперь мыслю так: неужели так недоступно уму, что сие великое и простодушное единение могло бы в свой срок и повсеместно произойти меж наших русских людей? Верую, что произойдет, и сроки близки» [Достоевский 1972–1990: XIV, 285] – и об иноках, которые могут спасти землю кроткой молитвой. И тем не менее эти иноки остаются аллюзией на ангелов-губителей – что подтверждает, на мой взгляд, мысль А.Г. Гачевой, высказанную ей в статье о том, что Достоевский в романе «Братья Карамазовы», как и в других своих произведениях, предполагает возможность «другого» развития событий перед пришествием Христа: «В «Братьях Карамазовых» старец Паисий так возражает на представление о Церкви вне мира, устранившее ее из истории столь же ловко и с такими же катастрофическими последствиями, как и секуляризм: «Недостойнейшая игра слов для духовного лица! ... Если не от мира сего, то, стало быть, и не может быть на земле ее вовсе. В святом Евангелии слова “не от мира сего” не в том смысле употреблены. ... Господь наш Иисус Хри-

стос именно приходил установить Церковь на земле. Царство небесное, разумеется, не от мира сего, а в небе, но в него входят не иначе как чрез Церковь, которая основана и установлена на земле.... Церковь же есть воистину царство и определена царствовать и в конце своем должна явиться как царство на всей земле несомненно – на что имеем обетование...» [Достоевский 1972–1990: XIV, 57]. Произнеся эти слова, старец Паисий «вдруг умолк, как бы сдержав себя» [Достоевский 1972–1990: XIV, 57]. Однако не подлежит никакому сомнению, что если бы он продолжил свою горячую речь, то указал бы собравшимся на двадцатую главу Откровения, где содержится пророчество о «миллениуме», «тысячелетнем царстве Христовом» <...> Подобную экзегезу тысячелетнего царствия – как благой, совершенной эпохи внутри истории, своего рода этапа на пути обожения (в миллениуме преобразуются только земля и человек, в Иерусалиме Небесном – все мироздание), моста между сущим и должным – встречаем у Достоевского и в подготовительных материалах к «Бесам», и в «Дневнике писателя»: вспомним главку «Утопическое понимание истории» (июнь 1876) или главку «Не всегда война бич, иногда и спасение» (апрель 1877 г.), где возникает образ человечества, восполнившегося «мировым общением народов до всеобщего единства» и в «братском единении» «осеменяющего собою счастливую землю» [Достоевский 1972–1990: XXV, 100], или январский выпуск «Дневника писателя» за 1881 г., где Достоевский выводит формулу «русского социализма», одушевляемого идеалом «всесветного единения во имя Христово» [Достоевский 1972–1990: XXVII, 19] [Гачева 2006: 46, 47]. И Достоевский, как можно видеть, утверждает это в том числе и в своего рода полемике с толкованием Юнга-Штиллинга.

Отмечу, что в словах старца Зосимы «на день и час, и месяц и год» переставлены в сравнении с цитатой из Апокалипсиса два первых слова – в оригинале «на час и день». Поэтому кроме отсылки к Апокалипсису, мы видимо здесь отсылку на слова Христа «о дне же том и часе не знает никто» (Мф 24:32). Интересно, что толкование Юнга-Штиллинга – это, в сущности, предсказание именно «дня и часа», и достаточно естественно, что и эти евангельские слова он вспоминает, доказывая, что день и час был скрыт от апостолов, чтобы не оказалось, что ждать слишком долго [Юнг-Штилинг: 354-355].

Здесь в тексте Достоевского применяется прием двойной отсылки, довольно частый в романе «Братья Карамазовы». потому что эти же слова возникают аллюзией в диалоге Ивана со Смердяковым: ««(Иван):

«День и час нельзя предсказать. Как же ты мне тогда предсказал и день и час? <...> (Смердяков): «Беспрерывно так, что падучую нельзя предсказать вперед днем и часом, но предчувствие всегда можно иметь». (Иван): «А ты предсказал день и час!» [Достоевский 1972–1990: XV, 44].

Можно предположить, таким образом, что и беседа Ивана со Смердяковым происходит в определенном смысле на фоне этого пояснения. В конце концов, 1836 год действительно давно прошел, и предсказания Юнга-Штиллинга не сбылись.

Выше шла речь о необходимости знания источника текста для того, чтобы правильно его прокомментировать. Однако в некоторых случаях авторский замысел может быть понят и без знания источника – в том случае, если исследователь достаточно верно понял авторскую мысль. Так, в своей кандидатской диссертации С. Мороз сопоставляет отрывок из «Русского инока»: «У них наука, а в науке лишь то, что подвержено чувствам. Мир же духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью. <...> Мир говорит: "Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как и у знатнейших и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже приумножай", – вот нынешнее учение мира. В этом и видят свободу. И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных – зависть и убийство». [Достоевский 1972–1990: XIV, 284–285] с посланием Лаодикийской церкви. «Здесь можно провести параллель с Откровением. В послании к ангелу Лаодикийской Церкви мы видим людей, забывших о «едином на потребу» (Лк.10:42) и в своем самообольщении и беспечности утверждающих, что они богаты и ни в чем не имеют нужды. Но это богатство только внешнее, в удовлетворении своих потребностей они забыли о своем духовном мире: «Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг». (Откр 3:17)» [Мороз 2004]. Между текстом Достоевского и текстом Откровения сходство скорее смысловое, однако отмечу, что у Юнга-Штиллинга появляется толкование на текст Откровения, похожее на текст «Русского инока»: «Просвещение нас ослепляет, и тот, кто на самом деле беден и нищ, говорит «я богат, я уже просвещен, и не имею нужды просвещаться <...> довольно одной морали, исполняй только моральные законы, более ничего не требуется <...> ибо что несогласно с нынешним просвещением и нынешней философией, то есть ничто иное как восточное пиетическое парение духа» [Юнг-Штилинг: 54–55].



Итак, как я и сказала, тема требует более подробного изучения, однако, на мой взгляд, уже и приведенных цитат достаточно для того, чтобы как минимум с вескими основаниями предположить возможность того, что «Победная повесть» Юнга-Штиллинга была известна Достоевскому и что она была одним из источников для «Великого инквизитора» и отчасти «Русского инока». Возможны, впрочем, и другие варианты – Достоевский мог опираться на кого-то, кто в свою очередь опирается на Юнга-Штиллинга или же, наоборот, на то, на что опирался Юнг-Штилинг (в первую очередь это может быть толкование Бенгеля на Новый Завет). Однако в любом случае связь этих двух текстов, на мой взгляд, достаточно очевидна. И, видимо, для полноценного комментария цитат из Апокалипсиса в произведениях Достоевского необходимо учитывать и существовавшие в его время толкования Апокалипсиса.

### Список литературы

1. *Бартенев Ю.Н.* Из записок Ю.Н. Бартечева. Рассказы князя Александра Николаевича Голицына // Русский архив, 1886. Т. I, ч. 3. С. 369-381. Т. II, ч. 5. С. 52-108. Т. II, ч. 7. С. 305-333. Т. III, ч. 6. С. 305-333. Т. III, ч. 10. С. 129-166.
2. *Гачева А.Г.* Роман «Братья Карамазовы» в кругу идей и проблем русской религиозно-философской мысли XIX века // Достоевский и мировая культура. № 22. М.: С.Т. Корнеев, 2007. С. 27-84.
3. *Кондаков Ю.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И.Герцена, 2005. 337 р.
4. *Ляху В.* Люциферов бунт Ивана Карамазова. Судьба героя в зеркале библейских аллегорий. М.: ББИ св. апостола Андрея, 2011. 288 с.
5. *Мороз С.* Текст Откровения Иоанна Богослова в произведениях Ф.М. Достоевского. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Рукопись. М., 2004.
6. *Новикова Е.Г.* Софийность русской прозы второй половины XIX века. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. 253 с.
7. Православная энциклопедия. Т. VI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. С. 398-401.
8. *Сазонова Л.И.* Сказание о Наполеоне-антихристе: старообрядческий вариант антинаполеоновского мифа // Славяноведение. 2012. № 2. С. 42-61.
9. Толковая Библия. Т. 3. Новый Завет. Петербург: Изд. преемников А.П.Лопухина, 1911-1913. 442 с.
10. *Юнг-Штилинг И.-Г.* Победная повесть, или торжество веры христианской. Спб., 1818.

## References

1. Bartenev Y.N. Iz zapisok Y.N. Barteneva. Rasskazy knyazyza Aleksandra Nikolaevicha Golitsyna // Russkij arhiv, 1886. T. I, ch. 3. T. II, ch. 5. T. II, ch. 7. T. III, ch. 6. T. III, ch. 10 [*From the Notes of Y. N. Bartenev. The Tales of the Count Alexander Nikolaevitch Golitsyn*. Russkij Arkhiv. 1886. T. I, part 3. Pp. 369-381. T. II, part 5. Pp. 52-108. T. II, part 7. Pp. 305-333. T. III, part 6. Pp. 305-333. T. III, part 10. Pp. 129-166 (In Russ.)].
2. Gacheva A.G. Roman «Brat'ya Karamazovy» v krugu idej i problem russkoj religiozno-filosofskoj mysli XIX veka // Dostoevskij i mirovaya kul'tura. № 22 [*"The Brothers Karamazov" in the Circle of Ideas and Problems of the Russian Religious and Philosophical Thought of the 19<sup>th</sup> c.* Dostoyevsky and the World Culture. # 22 (In Russ.)]. Moscow, S.T. Korneev, 2007. Pp. 27-84.
3. Kondakov Yu. Liberal'noe i konservativnoe napravleniya v religioznyh dvizheniyah v Rossii pervoj chetverti XIX veka [*Liberal and Conservative Schools in Religious Movements in Russia in the 1<sup>st</sup> Quarter of the 19<sup>th</sup> c.* (In Russ.)]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A.I.Gercena, 2005.
4. Lyahu V. Lyuciferov bunt Ivana Karamazova. Sud'ba geroya v zerkale biblejskikh allyuzij [*Luciferian Rebel of Ivan Karamazon. The Hero's Fate in the Mirror of the Biblical Allusions* (In Russ.)]. Moscow, BBI sv. apostola Andrey, 2011.
5. Moroz S. Tekst Otkroveniya Ioanna Bogoslova v proizvedeniyah F.M. Dostoevskogo. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Rukopis' [St. John the Evangelist's Revelation in F.M. Dostoyevsky's Works. Thesis for a Candidate Degree in Philology, typescript (In Russ.)]. Moscow, 2004.
6. Novikova E.G. Sofijnost' russkoj prozy vtoroj poloviny XIX veka [*Sophiology of the Russian Prose in the 2<sup>nd</sup> half of the 19<sup>th</sup> c.* (In Russ.)]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta, 1999.
7. Pravoslavnaya ehnciklopediya. T. VI [*Orthodox Encyclopedia*. Vol. 6 (In Russ.)]. Moscow, Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavnaya ehnciklopediya», 2003. Pp. 398-401.
8. Sazonova L.I. Skazanie o Napoleone-antihriste: staroobryadcheskij variant antinapoleonovskogo mifa // Slavyanovedenie. 2012. № 2 [*Tale of Napoleon the Antichrist: the Old Believer Version of the Napoleonic Myth*. Slavyanovedenie. 2012. # 2 (In Russ.)]. Pp. C. 42-61.
9. Tolkovaya Bibliya. T. 3. Novyj Zavet [*Explanatory Bible*. Vol. 3. New Testament (In Russ.)]. Peterburg, Izd. preemnikov A.P. Lopuhina, 1911-1913.
10. Yung-Sytilling I.-G. Pobednaya povest', ili torzhestvo very hristianskoj [*Victorious Tale, or The Triumph of the Christian Faith* (In Russ.)]. St. Petersburg, 1818.